

ЕЛЕНА САУЛИТЕ

ШВЕЙЦАРСКИЙ СЧЕТ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Саулите, Елена.

С21 Швейцарский счет / Елена Саулите. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Love&Crime. Любовь, страсть, преступление).

ISBN 978-5-04-162616-7

Юная провинциалка Алиса грезит карьерой модели. Но все ее попытки устроиться в этом бизнесе оканчиваются неудачей. Девушка уже готова отчаяться, когда ей неожиданно поступает предложение от одного из крупных олигархов — за хорошее вознаграждение стать сиделкой и скрасить последние дни его смертельно больного сына. Алиса с радостью принимает предложение олигарха и едет с его наследником на курорт Гриндвальд в Швейцарию. Она и не предполагает, что эта безоблачная поездка неожиданно превратится в полную драматизма и жестоких необъяснимых убийств историю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162616-7

© Саулите Е., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ослепительное сияние девственно-белого снега и оглушительная, неземная тишина... Склоны альпийских ледников, похожие на гигантские пасхальные куличи, безмятежно покоились под куполом холодной голубой бесконечности. Желтые лучи зимнего солнца едва ощутимо грели оконное стекло, Алиса потрогала его кончиками пальцев и недоуменно покачала головой.

— Солнце в ледяной пустыне — обалдеть, — прошептала она.

Не в силах оторваться от завораживающей картины ледяной вечности, Алиса приникла лбом к прохладному окну и замерла в благоговейном восхищении.

Швейцария. Гриндельвальд. Бескрайние снежные просторы и полное безлюдье, будто Алису занесло на край света. А ведь в ста километрах от их уютного шале — Берн и международный аэропорт, откуда они с Марком добирались в упомянутом лимузине с диванами, баром и спутниковым телевидением.

— Можно было на поезде, — рассуждал Марк, развалившись на мягкой сливочной коже заднего сиденья. — Но мне хотелось тебя побаловать.

Последние полтора месяца Алисе с трудом верилось в происходящее. Она — обыкновенная девятнадцатилетняя девчонка, чьим главным жизненным достижением был титул «Мисс Тверь-1993», она и Венеция, она и Париж, она и элитный курорт Гриндельвальд, она и сын одного из богатейших людей мира Лейба Фридмана. Она — жена его сына! Чудесный сон. Рождественская сказка про Золушку. А вот поди ж ты... Алиса сильно ущипнула себя за ухо, чтобы проверить, не сон ли это в самом деле, зашипела от боли, но все осталось на своих местах — и худощавое тело Марка, разметавшееся на синих шелковых простынях, и далекие пестрые крыши Гриндельвальда, и приближающееся Рождество с подарками, которых Алиса ждала с замиранием сердца. Марк обещал подарить ей нечто, о чем она и мечтать не могла. Так и сказал:

— Ты в обморок упадешь, готовься.

Зеленые, как альпийские луга, глаза Алисы молили:

— Скажи. Не мучай.

Но он только тихо смеялся, нежно целуя ее прозрачные пальцы:

— Нет, нет, Лиса, — так он прозвал ее с первого дня знакомства, — не могу. Это сюрприз.

Сверкающий ореол далекой вершины Шильтхорн, самой высокой горы Гриндельвальда, притягивал взгляд. Марк, теща эго всезнайки, любил блеснуть эрудицией и рассказывал Алисе о Швейцарии много занимательного. К примеру, он знал, что здесь, в Гриндельвальде, проложена самая высокогорная железнодорожная ветка в мире, и ведет она к перевалу Юнгфрауйох.

— А на перевале расположена самая крупная в Европе звездная обсерватория, оснащенная мощнейшим телескопом, — с гордостью продолжал он. Он так расхвастался, что Алиса не удержалась и уколола:

— Ты говоришь так, будто сам ее построил.

— Какие мои годы! Еще и не такое построю. И знаешь, как назову?

— Ну?

— «Лиса»!

— Дурашка ты, — звонко хохотала Алиса.

Боже, вот она, Швейцария! Страна банков, лучших в мире часов, вкуснейшего шоколада и чудес. И Алиса. Алиса в стране чудес! Невероятно! Дух захватывает! Алиса лихо крутанулась на одной ноге и взвизгнула от восторга, опомнившись, испуганно прикрыла рот ладошкой и оглянулась на мерно посапывающего Марка, он зашевелился было, но тут же затих. Алиса решила не будить новобрачного, они были женаты всего-то шесть дней, потихоньку оделась

и на цыпочках вышла из комнаты. Шале было в два этажа, на первом — кухня и столовая, на втором — две небольшие спальни.

Снизу доносился звон тарелок, домовитое шкворчание масла на сковороде и монотонное шарканье прислуги. В воздухе витал терпкий, ни с чем не сравнимый аромат свежемолотого кофе. Ингрид, мужеподобная женщина неопределенного возраста с топорным лицом и большими жилистыми руками, приходила в восемь часов утра, готовила, убиралась в доме, подавала на стол, а в пять вечера с поистине швейцарской точностью удалялась. Жила она в соседней деревушке Лаутербрюннен, что раскинулась у подножия Шильтхорн, в четырех километрах от их шале. Обыкновенно Ингрид перемещалась на мотосанях. Алису от души забавляло, когда крупная, похожая на гренадера Ингрид в пуховой куртке, высоких теплых ботинках, замотанная в шерстяную шаль по самые глаза, седлала своего механического коня и включала зажигание. Два-три коротких чиха двигателя, и она срывалась с места, бешено несясь по ледяной пустыне и взметая за собой столб радужной снежной пыли. Деревенская крестьянка верхом на мотосанях была предметом их с Марком постоянных шуток.

Сбежав по узкой деревянной лестнице, Алиса заглянула в кухню. Возившаяся с тестом для круассанов Ингрид обернулась и приветствен-

но кивнула, ее выцветшие серо-голубые глаза неодобрительно уставились на полураздетую Алису. Громко чихнув, женщина утерлась тыльной стороной ладони и громко заговорила по-французски, тыча узловатым, испачканным мукой пальцем в окно. Алиса озадаченно уставилась на женщину, потом перевела взгляд на окно и радостно улыбнулась:

— Бонжур, Ингрид. Погода манифик. Шарман, — попыталась она выразить свою мысль на смеси русского и французского.

Швейцарка сердито кивнула, и ее длинные, прямые, точно проволока, волосы упали на лицо. Большого она от Алисы и не ждала. Бернский кантон, один из двадцати шести кантонов Швейцарии, разговаривал преимущественно по-немецки, Ингрид была одной из немногих в деревне, кто говорил на французском. А чего ждать от русских? Слава богу, хоть понимают!

В ожидании завтрака Алиса решила прогуляться по окрестностям. Она проворно забралась в пухлый лыжный костюм, собрала длинные волосы в пучок, натянула вязаную шапку с помпоном и, махнув Ингрид рукой, отправилась на прогулку. Выйдя на улицу, невольно зажмурилась, солнце — яростное, неудержимое — слепило глаза. Алиса вспомнила прошлогоднюю телепередачу, где ученые объявили, что обнаружили трещину на солнце. «Оно, светило, — авторитетно вещал седой академик

с экрана, — грозит взорваться в любой момент, и шансов спастись нет. Апокалипсис на пороге!» Тогда, сидя на шестиметровой кухне крохотной квартирki, девушка злорадно потирала руки: «Ага! Значит, Судный день грядет, где все будут равны: и бедные и богатые! Так оно! Солнце не купишь. Значит, всем конец! И вам, господа олигархи, тоже! А то плавают, гады, в нефтяных бассейнах и думают, что сам черт им не брат!». То, что ей, Алисе Вересаевой, в этом случае тоже крышка, девушке тогда в голову не пришло. Уж очень устала от нищенской жизни на копеечную зарплату мамы — рядовой школьной учительницы. Жили они вдвоем, отец бросил семью, когда Алисе было два года, и больше в их жизни никак не проявлялся. Типичная российская ситуация. Росла она обыкновенной девчушкой, веселой, послушной, хорошо училась — у мамы-учительницы не забалуешь; когда ей исполнилось четырнадцать и начался период полового созревания, она с удивлением обнаружила, что все окрестные мальчишки, парни и даже мужчины постарше не сводят с нее восторженных глаз и откровенно робеют в ее присутствии. К пятнадцати она уже прекрасно сознавала силу своей привлекательности, эту безграничную «мягкую власть» над противоположным полом. Всеобщее поклонение вскружило ей голову. Несмотря на то что они с мамой продолжали экономить каждую копейку (даже колготки в морозилку

клали, чтобы дольше носились), вообразившая себя Ким Бэсинджер, Алиса сделалась нагловатой и высокомерной, частенько обижала мать, хотя видела, как та тянет из себя последние жилы, чтобы заработать. Но денег постоянно не хватало, за три дня до зарплаты они всегда ели «голые» макароны без масла. Тяжело было. Ох тяжело. Теперь, когда колесо фортуны совершило магический оборот и она очутилась в клане олигархов, ее радикалистские взгляды съезжились, полиняли и плавно трансформировались в широкие демократические, а если называть вещи своими именами, то попросту ханжески «мимикрировали». Алиса поехала, в столь счастливый момент думать о социальной несправедливости, глобальных катастрофах и собственном меркантилизме и малодушии не хотелось. Она досадливо отмахнулась от непрошенных воспоминаний и поспешила в сторону темнеющих справа въездных ворот. Мерзлый снег обиженно визжал под ногами, солнце слепило, морозный воздух обжигал ноздри.

Выйдя за пределы усадьбы, Алиса осмотрелась: узкая, извилистая, уходящая вдаль дорога и ни души вокруг. Только обглоданные ветрами заиндевелые деревья по обочинам. Холодно и стерильно, как в операционной.

«Жутковато как-то», — подумала она и, немного потоптавшись, двинулась в сторону видневшейся впереди Шильтхорн.

— Туда. Там канатки, лыжи, люди, — вполголоса приговаривала она на ходу. — Там жизнь.

Добравшись до ближайшего дерева, девушка остановилась. Старый заледеневший вяз тянул скрюченные пальцы ветвей к равнодушному зимнему солнцу, будто моля о благодатном тепле. Алиса подошла к дереву, обняла покрытый изморозью ствол руками и пожалела старика:

— Потерпи, дедушка. Через пару месяцев оттаешь, согреешься и оживешь. Молодые листочки будут шептаться в твоей кроне под дуновение летнего ветерка. У тебя все будет хорошо. Как у меня. Не веришь? Правда-правда. — Алиса запрокинула голову и взгляделась в искореженные временем сучья. — Еще три месяца назад я думала, что пропадаю, а теперь... — И она зажмурилась от внезапно накотившего счастья.

Все началось три месяца назад. Хмурым октябрьским утром после очередного неудачного кастинга, на котором ей посоветовали не выщипывать брови, покрасить волосы и набрать два килограмма, Алиса понуро вышла из дверей модельного агентства «Евростиль» на Кузнецком Мосту и медленно побрела в сторону метро. Два месяца бесплодных скитаний по московским агентствам и житья на съемной квартире в Перове у глуховатой старушки Аиды Степановны истощили ее как морально, так и материально. В беготне по бесчисленным модельным заведениям и ночным клубам сияющая мечта о го-

ловокружительной карьере модели потускнела и поистерлась, работа не находилась, а вместе с копившимися неудачами росла и неуверенность в себе. Неласковая московская жизнь спеси здорово поубавила, зато научила держать удар. Возвращаться домой к маме с ее оскорбительной учительской зарплатой и доисторическими взглядами на жизнь не улыбалось. И она не сдавалась. По утрам, разглядывая себя в зеркале, Алиса видела бледное худое лицо и огромные, полные щенячьей тоски глаза, обведенные фиолетовыми кругами.

— Зато экономия на косметике. Никакие тени не нужны, — вяло шутила она, собираясь в очередной поход.

— Избегалась совсем, — качала головой жалостливая хозяйка квартиры Аида Степановна. — Иди официанткой в «Колизей», хоть кормить будут бесплатно.

«Колизеум» называлось претенциозное кафе на углу их улицы. Хозяин заведения Тофик давно заприметил красивую худышку и при каждой встрече предлагал ей работу на «взаимовыгодных условиях». Об истинной подоплеке «взаимовыгодных условий» Алиса догадывалась, потому вежливо, но твердо отклоняла предложения кавказца.

На улице сеял мерзкий холодный дождь, зонта у девушки не было, но расстроенная Алиса не чувствовала ни резких порывов октябрьского

ветра, ни онемевших от ледяного дождя пальцев, она понуро плелась по мостовой, то и дело оступаясь в лужи. Уныние и обреченность, пустота и растерянность царили в неокрепшей душе девятнадцатилетней девочки. Неумолимый, жестокий город сдавил ее бетонными челюстями, грозя раздавить.

— Смотри не подавись! — с неожиданной силой пригрозила ему Алиса. — Выживу я. Все равно выживу.

— Здравствуйте, Алиса, — низкий с хрипотцой голос, прозвучавший за спиной, заставил ее вздрогнуть и обернуться.

За спиной никого не оказалось, а в метре от нее на проезжей части застыло длинное блестящее тело черного лимузина с тонированными стеклами. Алиса растерянно хлопала глазами, силясь сообразить, не послышалось ли ей.

— Подойдите, Алиса. Я здесь, в машине, — в голосе зазвучали нотки раздражения.

Похоже, обладатель голоса был человеком властным и привык к безоговорочному подчинению. Алиса наконец сообразила, что голос доносится из крокодилоподобного авто, так как одно из окон оказалось приспущено, именно оттуда с ней и разговаривали. Она осторожно двинулась к машине, раскисшие от сырости сапоги предательски чавкали, отчего Алиса чувствовала себя еще более жалкой.

— Смелее, — скомандовал голос.

Остановившись напротив узкой щели мрачно поблескивающего стекла, она вопросительно уставилась в темное чрево автомобиля, что-то зажужжало, и стекло опустилось ниже, на нее в упор смотрел лысеющий холеный мужчина в очках без оправы. На вид ему было около шестидесяти.

— Вы Алиса Вересаева? — уточнил он, скептически глядя на съезжившуюся под дождем девушку.

— Да, — пролепетала Алиса, от волнения глубже засовывая руки в карманы короткой куртки.

— Садитесь в машину, — приказал мужчина и распахнул перед ней похожую на въездные ворота дверь автомобиля.

Алиса попятилась, испуганно мотая мокрой головой.

— Садитесь, я сказал. У меня к вам деловое предложение, — приказал мужчина и повелительным жестом указал на диван напротив.

Трясаясь от страха, абсолютно не сознавая, что делает, она послушно забралась в необъятный салон и буквально утонула в мягкой коже заднего сиденья.

— Домой, — бросил мужчина водителю и повернулся к Алисе.

— К кому домой? — затравленно озираясь, испуганно пролепетала Алиса.

Мужчина не ответил, с минуту он придиричиво оглядывал ее с ног до головы, его неболь-